

**ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

УДК 1(315):299.5

**ЧУДЕСА СВ. РАДЕГУНДЫ:
О НЕКОТОРЫХ ФУНКЦИЯХ *MIRABILIA*
В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ***Н.Ю. Бикеева***Аннотация**

В статье рассматриваются некоторые функции «чудес» в раннем средневековье на примере чудотворной деятельности Святой Радегунды. Показана важность изучения феномена «чуда» для понимания социокультурных реалий этого времени. По мнению автора, чудотворные деяния святых помогали обеспечить защиту, насущные потребности, а зачастую и процветание женских монастырей VI века.

*«Мы называем *mirabilia* (чудесным) явления, неподвластные нашему пониманию, хотя сами они вполне естественны».*
*Гервасий Тильберийский. Otia Imperialia*¹

Одной из главных задач, стоящих сегодня перед историками, которые изучают Западную Европу периода «темных веков», является воссоздание картины мира человека раннего средневековья. Картина мира представляет собой сложное поле пересечения различных, зачастую противоречивых образов и представлений. Одним из центральных элементов всего комплекса ценностей, жизненных ориентаций человека раннего средневековья была фигура святого и феномен святости. Не случайно данная проблематика привлекает сегодня большое внимание исследователей, которые рассматривают святость и святых с точки зрения широкого историко-культурного контекста². Одной из отличительных черт святого являлась его способность творить чудеса. Святые были главными посредниками между этим и потусторонним мирами, и поэтому Бог осуществлял свои чудеса через них.

¹ Цит. по: *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. – М., 2001. – С. 58.

² О направлениях и подходах к изучению раннесредневековой святости см.: *Бикеева Н.Ю.* Концепции раннесредневековой святости в современной историографии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2006. – Т. 148, кн. 4. – С. 100–105.

Отправной точкой интереса медиевистов к категории «чуда» стали исследования выдающегося французского историка Жака Ле Гоффа. В книге «Средневековый мир воображаемого»¹ он указывал на важное место «чудес» и «чудесного» в сознании средневекового человека². При этом, отмечает Ж. Ле Гофф, представления средневековых клириков и мирян не совпадали с тем, что называем чудесным мы. Если в нашем представлении это скорее род интеллектуальной и литературной категории, то в средневековой картине мира это «скорее коллекция (предметов, всевозможных действий и тех многочисленных сил, что за ними стоят), нежели категория»³.

Современные исследователи феномена святости все большее значение придают таким видам источников, которым ранее внимания практически не уделялось. Это собрания чудес, путешествий, литургий, гимнов, с одной стороны, и мартирологов, сборников легенд, собраний примеров – с другой. На материале рассказов о чудесах и правовых казусах⁴ рассматриваются такие проблемы, как аудитория чудотворцев, значение чуда в средневековом обществе, физическое и психическое здоровье людей.

Уже в эпоху поздней античности связь святости и чудотворства становится универсальной. Несомненно, именно слава чудотворца являлась одним из важнейших условий возникновения массового почитания того или иного лица в качестве святого.

Позиция церкви в данном вопросе была более сложной. С одной стороны, церковная концепция святости на протяжении всего средневековья основывалась на вере в способность святого творить чудеса. Более того, этот дар рассматривался как одно из обязательных подтверждений святости. Так, например, епископ Григорий Турский, один из самых известных и выдающихся деятелей меровингской эпохи, в своих многочисленных сочинениях отвел значительное место описаниям чудес святых. В течение 580-х годов Григорий составлял и писал книги о чудесах, совершенных мучениками и исповедниками Галлии, о чудесах святого Юлиана, работал над некоторыми житиями. Собрание историй о святом Мартине продолжалось весь период его епископства. Показателен факт, что наиболее важными сочинениями Григория в то время считались не *Libri historiarum* (История франков), но *Libri miraculorum* (Книги о чудесах) – собрания рассказов о совершенных святыми чудесах. Они состояли из книги о мучениках и чудесах, совершенных у их гробниц (*Liber de gloria beatorum martyrum*), книги об исповедниках и чудесах подле их гробниц (*Liber de gloria beatorum confessorum*), житий выдающихся клириков (*Liber de vita quorundam feliciosorum*). Прочие книги повествовали о чудесах двух покровителей Григория – святого Юлиана и святого Мартина⁵.

¹ Ле Гофф Ж. Указ. соч. – С. 41–65.

² Не случайно в «Словаре средневековой культуры», рассматривающем реалия и понятия, употреблявшиеся в средневековую эпоху, «чудесам» посвящена отдельная глава: Лучицкая С.И., Арнаутова Ю.Е. Чудо // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. – М., 2003. – С. 575–578. См. также: Парамонова М.Ю. Святые // Там же. – С. 467–478.

³ Ле Гофф Ж. Указ. соч. – С. 42, 46.

⁴ См., например: Ward B. Miracles and the Medieval Mind: Theory, Record and event, 1000–1215. – Philadelphia, 1987.

⁵ Все эти тексты находятся в: Gregorii episcopi Turonensis. Miracula et opera minora // Monumenta Germaniae Historica: Scriptores Rerum Merovingicarum 1, 2 / Ed. B. Krush. – Hanover, 1885.

С другой стороны, бесспорно опасной или, по крайней мере, подозрительной представлялась для клира преимущественная нацеленность массового сознания на сверхъестественные способности святого. Поэтому христианские теологи настаивали на том, что чудодейственные способности святого являлись не его личной характеристикой, но следствием действия через него божественной силы. В агиографических историях о чудесах, как правило, упоминается обращение святого к Богу.

Здесь важно отметить, что наши знания о народном христианстве почерпнуты из текстов, авторами которых были ученые люди – духовенство и монахи. Тем не менее, многие верования и обычаи, которые, казалось бы, противоречили официальному богословию, изображаются в сочинениях этих монахов и священников вполне сочувственно и без всякой критики. Очевидно, и сами эти религиозные авторы разделяли взгляды простолудинов. Поэтому едва ли было правильно резко противопоставлять взгляды образованных верованиям их пастырей. Грань между высокой религиозностью и низовым приходским католицизмом была нечеткой, и многое из того, что, возможно, первоначально сложилось в качестве народных поверий, затем было усвоено и освоено церковью.

В процессе христианизации Меровингской Галлии в VI и VII столетиях был основан ряд культов в честь местных святых. На их могилах совершались чудесные события¹, их реликвиям была присуща чудотворная сила. Об этом нам повествуют раннесредневековые жития святых. Они создавались в литургических и дидактических целях. Агиографы любили говорить, что Бог творит чудеса через своих святых, поэтому они ставили цель описать чудеса и благочестивые дела святых мужчин и женщин. Многие поколения историков размышляли о том, как использовать эти источники в научной работе, пытались сформулировать методы для отделения в житийной литературе «исторических зерен от плевел»². Но до последнего времени редко кому удавалось это сделать. Как отмечал американский исследователь Томас Хеффернан³, агиографические тексты незаслуженно игнорировались вследствие гипертрофированного стремления исследователей социальной и политической жизни средневековья к документальному подтверждению фактов.

Сегодня взгляды на источники подобного рода сильно изменились. Если раньше описания чудес отбрасывались как не имеющие значения для исследователей социальной истории, то сейчас признается их бесспорная ценность⁴. Описание чудес было характерной чертой житий с самого момента их появления, и без чудес жизнь святых не будет столь интересной.

В данной статье рассмотрены некоторые особенности и функции чудес, совершенных святой Радегундой (518/521–587 гг.), женой франкского короля Хло-

¹ Особенно в дни поминовения святых и в другие знаменательные даты.

² *McNamara J.A.* A Legacy of Miracles: Hagiography and the Nunneries in Merovingian Gaul // *Women in Medieval World* / Eds. J. Kirshner, S. Wemple. – Oxford, 1985. – P. 36.

³ *Heffernan T.* Sacred Biography, Saints and their Biographers in the Middle Ages. – N. Y., 1988.

⁴ «К чему, как не к агиографическим работам Григория Турского, можно обратиться, чтобы узнать по настоящему важные сведения о меровингской Галлии: о размерах озера Леман и превосходном качестве его форели; соблазнительном рагу из зайца во время великого поста; о первом упоминании omelette à la provençale? Чрезвычайно “конкретная и привередливая” природа этого жанра огорчает критиков и восхищает тех, кто, занимаясь социальной историей, ищет отголоски “самобытности”» (*Браун II.* Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. – М., 2004. – С. 96).

таря I, а впоследствии основательницей женского монастыря Святого Креста в Пуатье. Радегунда – один из известнейших персонажей в истории мерovingской Галлии. При жизни эта женщина пользовалась большим авторитетом, о чем свидетельствуют многочисленные (по меркам той эпохи) произведения современников. Среди них имеются два Жития, посвященные ей. Редкий случай для раннего средневековья, когда точно известно время написания Житий и их создатели. Первое написано известным поэтом и епископом Венанцием Фортунатом¹, а другое – простой монахиней Баудонивией². Они оба были современниками Радегунды, хорошо знавшими святую.

В VI – VII вв. на территории Галлии богатыми и знатными женщинами было основано много монастырей³. Большинство из них находилось под защитой или имело поддержку какого-либо епископа или аббата, иногда связанных с ними родственными узами. После смерти, как и в жизни, женщины-святые оставались благородными и богатыми; они были аристократами на небесах. Знатность была важна, потому что обеспечивала богатство, и поэтому отношения женщин, основавших монастыри, с их собственными семьями не прерывались⁴.

Традиционно считается, что монахам и приверженцам аскетизма не требуется значительных материальных благ. Отшельники в лесах или пустынях, вероятно, обходились орехами и ягодами, акацией и медом для поддержания тела и души. Однако в западной Европе с конца V века распространился другой тип монашества – киновийный (общежитийный)⁵. Монастырям, в частности женским, требовалось гораздо больше средств, чтобы прокормить, одеть своих членов и предоставить им жилище.

Цезарий Арелатский, автор первого монастырского устава для женщин, был хорошо знаком с материальными потребностями религиозной женской общины. Он знал, что учреждение монастыря потребует больших средств. Сам он впоследствии завещал свое состояние родной сестре, аббатисе. Также он рассчитывал на пожертвования прихожан монастырю сестры. Вдобавок к этому, он убеждал женщин удовлетворять свои нужды по возможности их собственным (физическим) трудом. Точно так же Бенедикт Нурсийский, чей устав был принят как женскими, так и мужскими сообществами, предполагал, что их члены будут работать для поддержания своих потребностей⁶. Но для женщин обеспечить свой монастырь всем необходимым было труднее, чем для мужчин. Возможности женщин в получении и увеличении материальных средств были сильно ограничены гендерными особенностями их статуса в раннее средневековье.

¹ *Venantius Fortunatus. Vita S. Radegundis // Monumenta Germaniae Historica: Scriptorum Rerum Merovingicarum 2, 364–377.*

² *Baudonivia. Vita S. Radegundis // Monumenta Germaniae Historica: Scriptorum Rerum Merovingicarum 2, 377–395.*

³ Не случайно американский историк Сюзан Уэмпл называет эту эпоху «героическим веком женского аскетизма» (см.: *Wemple S. Women in Frankish Society. Marriage and the Cloister (500–900).* – Philadelphia, 1981. – P. 154–158).

⁴ *Wemple S. Women in Frankish Society.* – P. 61.

⁵ См. об этом: *Усков Н.Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего Средневековья. Германские земли II/III – середины XI в.* – СПб., 2001. – С. 61–81.

⁶ См.: *McNamara J.A. A Legacy of Miracles...* – P. 40.

В то же самое время зарождающаяся христианская цивилизация франков нуждалась в женских монастырях, так же как и в мужских. Они играли решающую роль в обеспечении и духовных, и материальных потребностей христианского населения. Все Жития подчеркивают благотворительную деятельность святых, косвенным образом иллюстрируя многочисленные материальные нужды людей того времени. Житие Радегунды явилось в этом смысле своеобразной моделью для последующих агиографических сочинений, посвященных святым женщинам. Среди своих современников эта женщина славилась щедрой раздачей пищи всем тем, кто стучался в ее дверь. Она предоставляла своим нищим гостям не только продовольствие, но и ванны, чистую одежду и даже деньги, перед тем как они вновь отправлялись в путь¹. Немногие люди имели в своем распоряжении такие богатые ресурсы, доступные этой бывшей королеве, но все святые были щедрыми там, где это было необходимо. Агиографы подчеркивают одобрение Богом подобных действий.

Таким образом, основание женских монастырей было вызвано не только религиозными импульсами. Они создавались также для обеспечения насущных потребностей и защиты женщин, не состоящих в браке. Не удивительно, что благодарные получатели стремились всячески повысить престиж своих благодетельниц.

Но, несмотря на благотворительность и пожертвования, женские религиозные общины очень часто испытывали нужду. Требовалось очень много средств для раздачи нуждающимся еды, одежды и лекарств². Даже самые крупные состояния не могли долго сохраняться в этих условиях. Так, например, в монастыре Радегунды в Пуатье³ монахиня Базина⁴ жаловалась на «лишения в пище и одежде»⁵. Это беспокойство по поводу снабжения монастыря св. Радегунды нашло отражение и в чудесах, перечисленных ее агиографами. Так, например, у Радегунды никогда не пустел сосуд с вином, из которого она поила путников⁶.

Снабжению монастыря, сильно зависящего от подношений и пожертвований, угрожали и люди, и природные силы. Венанций Фортунат повествует о том, как Радегунда отправила голубя, чтобы успокоить сильную бурю, которая угрожала ее поставщикам продовольствия⁷.

Когда Григорий Турский прибыл в Пуатье, чтобы принять участие в похоронах Радегунды, он обнаружил там около 200 монахинь, обезумевших и плачущих из-за потери своей патронессы. Эти слезы и стенания монахинь не были формальным выражением печали, они были искренними. В период жизни Радегунды монахини ее конгрегации могли рассчитывать на ее щедрость. Они жили на земле, которую она получила от своего мужа⁸, за счет средств, которые она

¹ *Venantius Fortunatus. Vita Radegundis.* 17–18.

² *Wemple S. Women in Frankish Society...* – P. 61; *McNamara J.A. A Legacy of Miracles...* – P. 45.

³ Он считался очень крупным и процветающим по тем временам. В Житии св. Радегунды сказано, что ее смерть оплакивало более 200 монахинь (*Baudonivia. Vita Radegundis.* 21–22).

⁴ Дочь короля Хильперика, насильно отправленная в монастырь его новой женой Фредегондой (см.: *Григорий Турский.* V, 39).

⁵ *Григорий Турский.* X, 16.

⁶ *Baudonivia. Vita Radegundis.* 10.

⁷ *Venantius Fortunatus. Vita Radegundis.* 31.

⁸ *Baudonivia. Vita Radegundis.* 6–7.

принесла с собой. Ради нее монастырю делались щедрые подношения от других особ королевского рода, иногда очень значительные. Она поддержала свои отношения с королевским домом и в результате обогатила собрание известнейших реликвий в монастыре. Это, в свою очередь, способствовало привлечению паломников и их даров. Радегунда защитила монахинь также от враждебности Маровея, епископа Пуатье, который выступил против помещения реликвий в церкви женского монастыря. Его намеренное отсутствие во время ее похорон было для монахинь зловещим признаком вероятных будущих проблем и опасностей для их монастыря¹.

Враждебность епископов не была чем-то необычным для монашеских обществ. К счастью для монастыря Радегунды, царственная святая имела многочисленных влиятельных друзей и сторонников, которые гарантировали, что монастырь полностью не осиротеет с ее смертью. Не в меньшей степени благосостояние монастыря зависело от распространения культа святой Радегунды. Рассказы о чудесах, совершенных Радегундой или происходивших в ее монастыре, также способствовали увеличению числа дарителей и жертвователей. Епископ Григорий Турский описал глубокое потрясение влиятельных персон, присутствовавших на похоронах святой, которые увидели плачущих демонов². Монахиня Баудонивия рассказывает о нескольких чудесных исцелениях, произошедших во время похорон Радегунды³. Таким образом, агиографы пытались успокоить монахинь. Известность женского монастыря Святого Креста, способствовавшая привлечению покровителей и донаторов, возросла после смерти его основательницы.

Таким образом, даже на смертном одре святые основатели монастырей не забывали о материальных потребностях своих общин. Они, как и их агиографы, укрепляли благосостояние своих конгрегаций рассказами о чудесах. Но кроме этого, святой или святая оставляли монастырям свое самое большое наследство: свое благословенное тело, свою гробницу и реликвии.

Авторы раннесредневековых Житий часто описывают чудеса, осуществлявшиеся на могилах святых или посредством их реликвий. Эти реликвии были наградой пастве, понесшей тяжелую утрату. Баудонивия указывает, что некий состоятельный человек, излечившийся от слепоты прикосновением к власянице Радегунды, выделил для монастыря 100 солидов, довольно значительную по тем временам сумму⁴. Безусловно, и святая, и приверженцы ее культа очень хорошо понимали, что просить о деньгах в обмен на Божью благодать – грех. Автор Жития святой Глодезинды отметил, что, если врачи и целители брали деньги от своих пациентов, хотя зачастую не вылечивали их, святые способствовали выздоровлению⁵. Однако сами спасенные очень хорошо понимали важность благодарности. Даже бедный человек в поиске помощи знал, что «святая улыбнется более ласково тому, кто принесет свежую рыбу для монахинь»⁶.

¹ *Baudonivia. Vita Radegundis.* 13–16.

² *McNamara J.A. A Legacy of Miracles...* – P. 47–48.

³ *Baudonivia. Vita Radegundis.* 24.

⁴ *Ibid.* 15.

⁵ См.: *McNamara J.A. A Legacy of Miracles...* – P. 49.

⁶ *Ibid.*

Могила человека, творившего чудеса, вскоре становилась центром многочисленных паломничеств. Нуждающиеся и больные в течение долгого времени ночевали под открытым небом. Часто в гробницы помещали и некоторые реликвии. Самыми распространенными среди этих реликвий были предметы из ткани: одежда, саван. Таким образом, власяница, покрытие гробницы Радегунды и даже вода, в которой обмыли тело святой, были проводниками божественной благодати¹. Похожую историю сообщает нам Григорий Турский: «Монахиня Инготруда имела обыкновение собирать воду с могилы святого Мартина. Так как этой воды у нее не хватало, она попросила отнести к могиле святого сосуд с вином. По истечении ночи она велела в присутствии названного пресвитера принести оттуда этот кувшин. И когда ей принесли его, она сказала пресвитеру “Отлей отсюда вина и капни туда только одну каплю святой воды, которой у меня осталось немного”. И удивительно: когда он это сделал, сосудик, который был наполнен наполовину, наполнился доверху от одной капли. Так он опорожнял его два или три раза, а он наполнялся только от одной капли. Нет сомнения, что и здесь явилась благодать блаженного Мартина»².

Современному читателю трудно принять на веру рассказы о чудесах святых и их реликвий. Но они не были простыми выдумками, а выполняли множество функций в религиозной и общественной жизни Меровингской Галлии. Они помогали обеспечить защиту, насущные потребности, а зачастую и процветание женских монастырей, которые повсеместно основывались в это время. Рассказы о чудесах способствовали выживанию монастыря после смерти влиятельной и богатой патронессы.

Summary

N.Yu. Bikeeva. St. Radegund's Wonders: Some Functions of Mirabilia in Early Middle Ages.

The article describes the functions of “miracles” in the early Middle Ages on the example of wonder-working activity of Saint Radegund, a famous Frankish queen and nun. The article reveals the importance of studying this phenomenon in the process of understanding socio-cultural realities of that time. “Miracles” helped to secure protection, essential needs and prosperity of 6th century nunneries.

Поступила в редакцию
03.10.07

Бикеева Наталья Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета.

¹ *Baudonivia. Vita Radegundis.* 26, 28.

² *Григорий Турский.* Указ. соч. V, 21.